

Статья:

Байнев, В.Ф. Системные основы деиндустриализации стран бывшего СССР / В.Ф. Байнев, В.Т. Винник // Новая экономика. – 2009. – №9–10. – С. 3-17.

СИСТЕМНЫЕ ОСНОВЫ ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАН БЫВШЕГО СССР

Байнев Валерий Федорович,

*доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента
Белорусского государственного университета (г. Минск)*

Винник Вячеслав Тимофеевич,

*руководитель представительства Губернатора и Правительства Нижегородской
области Российской Федерации в Республике Беларусь (г. Минск)*

В статье раскрыт принцип действия механизмов, разрушающих промышленный и, соответственно, экономический потенциал стран бывшего СССР. Показано, что активация указанных механизмов закономерно происходит в процессе либерализации экономических отношений и реализации монетаристской кредитно-денежной политики. Статья публикуется в рамках выполнения НИР №20061700 «Теоретико-методологические основы межгосударственной инновационно-промышленной политики стран ЕвразЭС как фактор их устойчивого развития» (задание ГКПНИ «Экономика и общество», 2006–2010 гг.)

Либерально-рыночные реформы вместо обещанного их идеологами взрывного роста эффективности и конкурентоспособности экономик стран бывшего СССР на практике обеспечили столь же стремительное сокращение их экономического и, прежде всего, промышленного потенциала. Поскольку в научной литературе процесс деиндустриализации постсоветских стран охарактеризован достаточно подробно (см., например, [1, 2, 3, 11, 12]), отметим лишь некоторые, наиболее характерные факты. Так, за годы рыночно-капиталистического «оздоровления» доля стран бывшего СССР на мировом рынке наукоемкой продукции сократилась более чем в 20 раз – с 8 до 0,3%. Доля сырья в их экспорте, наоборот,кратно возросла и достигла значений от 57,5 (Украина) до 85% (Туркменистан) общей стоимости вывозимых за границу товаров. Иными словами, вместо прорыва в технотронно-инновационное будущее рыночные реформы быстро превратили территорию мощной сверхдержавы, которая еще совсем недавно на равных соперничала с самими США по ряду направлений науки и техники, в технологическое захолустье и сырьевую провинцию Запада.

Несмотря на возобладавшую в умах большинства ученых концепцию постиндустриализма, которая лукаво абсолютизирует сферу услуг (обмена) и тем самым теоретически легитимирует деиндустриализацию постсоветских стран, необходимо признать, что разрушение промышленного комплекса – это крайне негативный процесс [7]. Последнее следует из того, что сегодня именно промышленность является главным «катализатором» и «локомотивом» перехода к инновационной экономике. Здесь максимально сконцентрированы наукоемкие и высокотехнологичные производства, являющиеся источниками прогрессивных средств и предметов труда для прочих отраслей и сфер жизнедеятельности общества. Следовательно, снижение и разрушение промышленного потенциала страны эквивалентно отказу от инновационного пути развития, ее вытеснению на обочину научно-технического прогресса, превращению в сырьевой придаток цивилизованного мира. При этом упомянутую концепцию постиндустриализма, призывающую к опережающему развитию якобы невероятно эффективной сферы услуг и тем самым подталкивающую махнуть рукой на промышленность, следует считать важнейшей теоретической предпосылкой этого зловещего процесса, подрывающего национальную безопасность стран бывшего СССР [7].

Деиндустриализация как масштабное сокращение промышленного производства и ухудшение его качественных характеристик, а также связанная с ней сырьевая при-

митивизация национальной экономики – это прямые, закономерные и неизбежные следствия либерально-рыночного реформирования. Неслучайно технологически развитые державы, озабоченные сохранением своего экономического лидерства и стремящиеся любой ценой обеспечить доступ к дефицитным ресурсам периферийных стран, столь искренне и настойчиво стимулируют, поощряют, навязывают и даже насаждают в них либерально-рыночные реформы. Для этого долларовый капитал щедро финансирует по всему миру деятельность соответствующих учебно-исследовательских центров и многочисленных советников, которые активно внушают и навязчиво распространяют типовые рыночные мифы о «чудотворной» силе приватизации, свободного рынка, малого бизнеса, сферы услуг, иностранных инвестиций и т.д. При этом указанная забота порою столь настойчива, что на первый взгляд может даже показаться, будто на Западе по-отечески тепло и трогательно мечтают о том, как экономика Беларуси, России, Казахстана и т.д. станет рыночной и эффективной, а наши приватизированные предприятия, наконец-то, вытеснят западные фирмы со всех рынков.

Разумеется, не об этом грезят в ведущих капиталистических державах, где победа над конкурентами вплоть до полного их уничтожения – базовый принцип и смысл существования миллионов. Важно осознать и постоянно помнить, что либерально-рыночная идеология – это товар, изготовленный в экономически сильных державах и предназначенный для его экспорта в экономически слабые страны, дабы те, раскрывшись перед заведомо более сильным противником, по собственной воле подставились под беспощадный нокаутирующий удар. Нетрудно понять, что либерализм всегда выгоден более сильному, поскольку позволяет ему безнаказанно пользоваться своей силой против слабости. И соответственно, наоборот, слабому игроку принять либерально-рыночную идеологию – это то же самое, что согласиться на добровольное подчинение и полную зависимость от сильного, то есть на самоколонизацию. Неслучайно, когда после войны США предложили свою помощь европейским странам, У. Черчилль в парламенте заявил: «Если мы позволим американскому капиталу определять темпы и пропорции нашего развития, то в перспективе нам отведена роль дровосеков и водоносов» (об этом подробнее см. [5, с. 133]).

А двумя столетиями раньше одним достаточно известным английским государственным деятелем было заявлено самому Адаму Смиту, что «нация должна быть управляема не сообразно общемировым идеям, теориям и системам, а сообразно глубокому пониманию своих национальных интересов» [8, с. 419]. Кстати, исторический опыт развития Англии убедительно свидетельствует о проводимой в течение XIV–XIX вв. политике государственного протекционизма в целях развития национальной промышленности. Чего стоит один только изданный Кромвелем в 1651 г. «Навигационный акт», который наряду с прочими многочисленными аналогичными протекционистскими законодательными «статутами» на протяжении двухсот лет покровительствовал в морской торговле только англичанам [5, с. 30-47].

Лишь после выхода в XVIII веке в явные лидеры Англия стала активно исповедовать и даже навязывать другим странам идеологию либерализма и свободной торговли. Притом делалось это вполне осознанно, ибо, как цинично заявлено в английской прессе 1844 г., «мы защищаем свободу торговли потому, что хорошо осознаем, что при господстве ничем не сдерживаемой конкуренции мы прогоним иностранцев с их же собственных рынков. Превосходство старого промышленного государства при открытой пробе сил не может не быть фатальным для каждого юного конкурента» [14, с. 268]. Руководствуясь данным принципом и активно насаждая идеологию либерализма остальному миру, Англия и другие развитые государства обеспечили себе беспрецедентные конкурентные преимущества, экономическое господство и возможность колонизации других стран.

Очевидно, что в условиях нынешнего усиления ведущих западных держав и их колоссального экономического отрыва от большинства периферийных стран «убойная

сила» идеологии либерализма не только не ослабла, но и существенно возросла, многократно превзойдя по своей разрушительной мощи традиционные виды вооружений. И действительно, победа над СССР, которую не удалось достичь в прошлом столетии с помощью обычного оружия в ряде затяжных Западом войн, была реализована без единого выстрела с помощью либерально-рыночных мифов, искусно внедренных в сознание руководителей и общественности некогда непобедимой сверхдержавы. Разумеется, это старое и неоднократно испытанное оружие продолжает активно применяться и в наши дни для ослабления и неокolonизации развивающихся и переходных стран. Поскольку на постсоветском пространстве до сих пор нет позитивных примеров либерально-рыночных реформ по западным рецептам (либерализация + приватизация + иностранные инвестиции), то нет никаких гарантий, что их результат будет иным, нежели, положим, в олигархической России, разоренной войной Грузии или ныне жалобно мяукающих «прибалтийских тиграх». Иными словами, риски невозможности потерь в результате отказа Беларуси от испытанного пути развития, связанного с активным государственным регулированием ее экономики, в пользу навязываемых Западом реформ весьма и весьма велики. В связи с этим *хотелось бы видеть конкретные расчеты, подтверждающие необходимость такого реформирования*, а не просто слушать пустые нескончаемые декларации набивших оскомину лозунгов о «чудотворной» силе либерального рынка, воплощение которых в жизнь разорило не одну страну.

В одном из предыдущих номеров журнала мы уже отмечали, что навязываемые периферийным странам либерально-рыночные реформы и соответствующая основанная на рецептах монетаризма кредитно-денежная политика – это действенные инструменты разрушения национальной экономики и неокolonизации стран бывшего СССР [4, с. 4]. Одно из неизбежных следствий их применения – тотальная деиндустриализация периферийных стран, высвобождающая дефицитное сырье для его последующего использования «золотым миллиардом» и лишаящая их технической (военно-технической) возможности избавиться от колониальной зависимости. В частности, мы убеждены, что *политика либерализации экономических отношений, а также демонетизация экономики и девальвация национальной валюты – главные факторы самоколонизации любой страны, которая с их помощью добровольно отдает свою национальную экономику во власть более сильного конкурента – западных мегакорпораций*. В связи с этим представляется важным подробно охарактеризовать общие принципы действия тех разрушающих экономику механизмов, которые активируются по мере ее либерализации и выполнения перечисленных советов, условий, требований наших западных «друзей» в сфере кредитно-денежной политики.

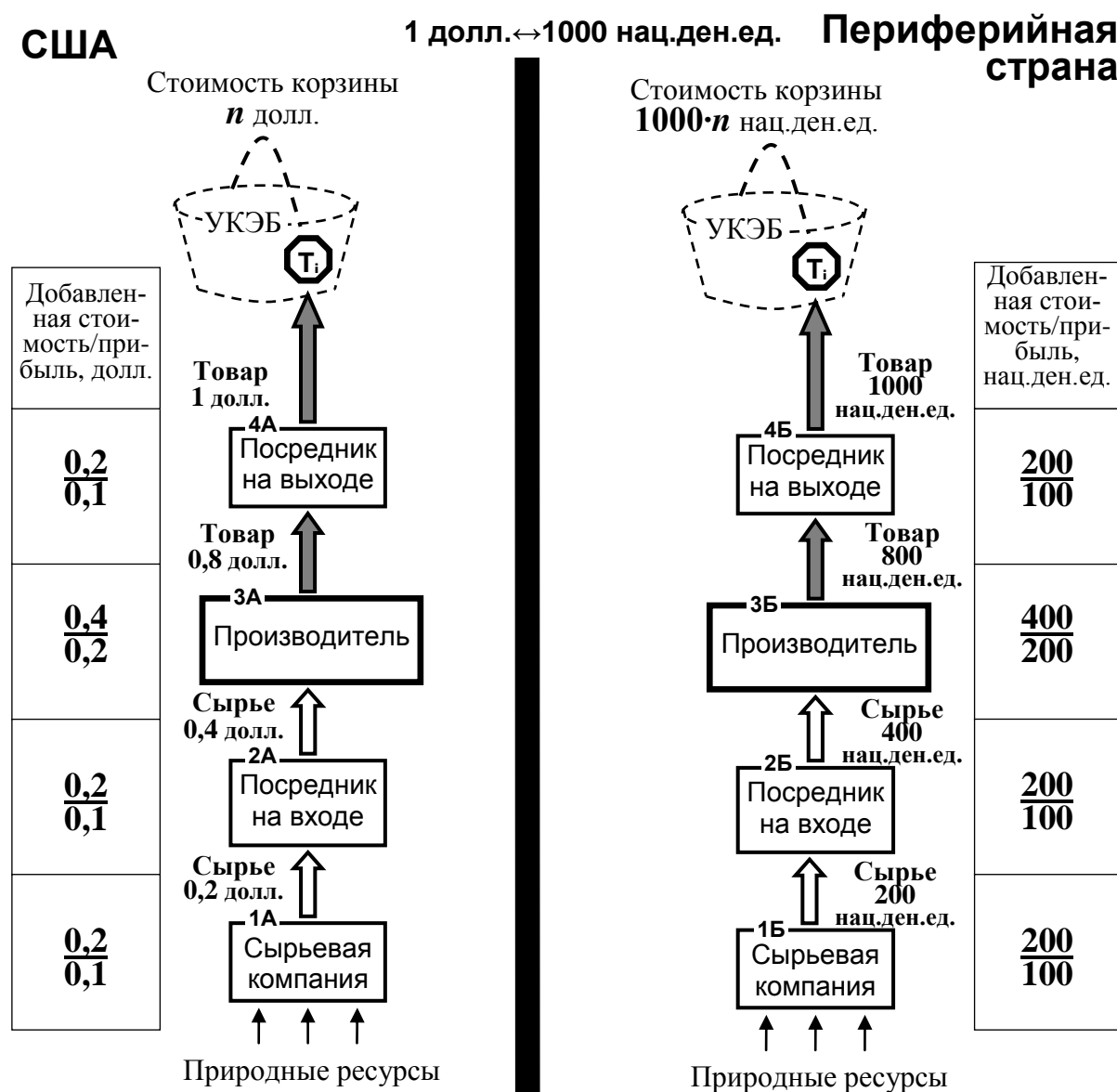
Для решения поставленной задачи рассмотрим экономические системы двух суверенных держав – США и некоторой периферийной страны, под которой можно подразумевать любую из множества развивающихся и трансформирующихся стран, включая государства бывшего СССР (рис. 1). Поскольку на территориях независимых государств имеют хождение различные денежные единицы, возникает проблема адекватного сопоставления, например, по такому показателю, как ВВП. Как известно, доллар США является общепризнанной во всем мире резервной валютой. Поэтому для проведения межгосударственных сопоставлений обычно переводят ВВП периферийных стран из национальных денежных единиц (нац. ден. ед.) в доллары США.

До 1992 г. для осуществления указанных пересчетов использовалась формула:

$$GDP = \frac{N}{r}, \quad (1)$$

где GDP – ВВП периферийной страны, исчисленный на основе официального, установленного центральным (национальным) банком обменного курса национальной валюты, долл.; N – номинальный ВВП периферийной страны, выраженный в ее национальной валюте, нац. ден. ед.; r – официальный обменный курс национальной денежной единицы, нац. ден. ед./долл.

Однако на практике официальные обменные курсы национальных валют подвержены динамичным колебаниям, как это было, например, в начале 2009 г. в ряде стран бывшего СССР. Причем глубокие изменения этих курсов, нередко осуществляемые скачком «за одну ночь» и к тому же по настойчивому требованию извне, свидетельствуют о неэкономическом, директивном принципе их формирования. Очевидно, что нынешняя девальвация национальной валюты, согласно формуле (1), неизбежно приведет к соответствующему снижению ВВП (*GDP*) периферийной страны даже в том случае, если бы ее экономическая система демонстрировала небольшой реальный экономический рост. И соответственно, наоборот, директивное повышение официального обменного курса национальной валюты периферийной страны способно искусственно увеличить ее ВВП (*GDP*).

Примечание: все стоимостные величины приведены в расчете на единицу товара T_i

Рисунок 1 – Функционирование экономических систем США и периферийной страны при справедливом, соответствующем ППС, обменном курсе их национальных валют (1 долл. ↔ 1000 нац. ден. ед.).

Чтобы избежать искажающего воздействия как стихийных, так и плановых колебаний официальных обменных курсов национальных валют, международные финансовые институты, начиная с 1993 г., перешли к практике сопоставлений на основе паритетов покупательной способности (ППС) национальных валют. Для этого определен на-

бор из 2956 наиболее общеупотребительных товаров и услуг $T_1 \dots T_{2956}$, входящих в состав *условной корзины эквивалентных благ* (УКЭБ). Исходя из стоимости УКЭБ в разных странах мира, ежемесячно рассчитываются справедливые, определяемые по ППС, обменные курсы их национальных валют [10, 13].

Так, если в США одна такая корзина стоит, положим, n долл., а в периферийной стране – $1000 \cdot n$ нац. ден. ед. (см. рис. 1), то справедливый, определяемый по ППС, обменный курс составляет 1000 нац. ден. ед./долл. Термин «справедливый» в данном случае означает лишь то, что владелец некоторой денежной суммы в случае ее конвертирования по данному курсу может приобрести в обеих странах одно и то же количество реальных экономических благ. Исходя из того, что состав УКЭБ один и тот же в разных странах мира, указанную корзину очень удобно использовать в качестве базы (меры) для межгосударственных сопоставлений. При этом справедливый, определяемый по ППС, обменный курс национальных валют мало зависит от манипуляций правительств и центральных банков в области кредитно-денежной политики, а определяется реальной покупательной способностью денежных единиц.

С учетом изложенного МВФ, Всемирный банк и другие международные финансовые институты сегодня пересчитывают ВВП разных стран в доллары по следующей формуле:

$$GDP\_PPP = \frac{N}{r'}, \quad (2)$$

где GDP_PPP – ВВП страны, рассчитанный на основе справедливого, определяемого ППС, обменного курса национальной валюты, долл.; r' – справедливый, определяемый ППС, обменный курс национальной денежной единицы, нац. ден. ед. /долл.

Решая совместно уравнения (1) и (2) относительно r' , можно рассчитать справедливый, определяемый ППС, обменный курс национальной валюты любой страны:

$$r' = \frac{GDP \cdot r}{GDP\_PPP}, \quad (3)$$

Кроме того, исходя из выражения (3), для расчета соотношения официального и справедливого обменных курсов национальной валюты достаточно разделить ВВП, рассчитанный в иностранной валюте на основе официального обменного курса, на его значение, определенное с использованием ППС:

$$m = \frac{r'}{r} = \frac{GDP}{GDP\_PPP}, \quad (4)$$

где m – соотношение официального обменного курса национальной валюты и курса, определяемого ППС, разы. Соответственно, обратная величина $k=1/m$ отражает масштаб искусственного занижения официального курса национальной денежной единицы относительно его справедливого, определяемого ППС, значения.

Следует отметить, что сегодня статистические органы международных финансовых институтов фиксируют оба значения ВВП – как GDP , так и GDP_PPP , в чем легко убедиться, посетив соответствующие интернет-сайты. Это дает возможность по формуле (4) вычислять масштабы занижения/завышения официального обменного курса национальной валюты относительно ППС в любой стране (табл. 1). Так, в Беларуси в 2008 г., то есть до плановой девальвации в начале текущего года, ее денежная единица была искусственно недооценена относительно ППС в $k=2,16$ раза. Поскольку, официальный обменный курс в 2008 г. соответствовал 2150 бел. руб./долл., справедливый обменный курс, согласно формуле (3), был равен $r'=53,26 \cdot 2150 / 115,03 = 995,5$ бел. руб./долл. Кстати говоря, последнее значение весьма близко к 1000, что позволяет изображенную на рис. 1 ситуацию с достаточной точностью проецировать на Беларусь.

Рассмотрим идеализированный случай, когда в обеих исследуемых странах функционируют *одинаковые* технологические цепочки производства и реализации одного из экономических благ T_i , составляющих набор УКЭБ (см. элементы 1А-4А и 1Б-4Б на

рис. 1). Предположим, что в обеих странах наличествуют *идентичные экономические условия* за исключением того, что процессы производства и обмена обслуживаются национальными денежными единицами, причем их обменный курс по отношению друг к другу соответствует ППС. В этом случае соотношение стоимостей блага T_i в США и в периферийной стране будет равно соотношению стоимостей УКЭБ в обеих странах. Например, если отдельное экономическое благо T_i , входящее в набор товаров и услуг УКЭБ, стоит в США 1 долл., то в периферийной стране оно должно продаваться за 1000 нац. ден. ед., поскольку весь набор благ $T_1...T_{2956}$ стоит в Штатах n долл., а в периферийной стране – $1000 \cdot n$ нац. ден. ед. (см. выше).

Таблица 1 – Соотношение официального и определяемого ППС (справедливого) обменных курсов национальной валюты по отношению к доллару США в некоторых странах мира в 2008 г.

Страна	ВВП по официальному обменному курсу национальной валюты (<i>GDP</i>), млрд. долл.	ВВП по ППС (<i>GDP_PPP</i>), млрд. долл.	Соотношение официального обменного курса национальной валюты и курса, определяемого ППС (<i>m</i>), разы	Масштаб занижения официального обменного курса национальной валюты относительно справедливого курса, определяемого ППС ($k=1/m$), разы
<i>Страны «Большой семерки»</i>				
США	14195,03	14195,03	1,00	1,00
Япония	4866,92	4438,70	1,10	0,91
Германия	3653,37	2906,42	1,26	0,80
Франция	2843,13	2116,61	1,34	0,74
Великобритания	2833,22	2215,90	1,28	0,78
Италия	2330,01	1826,89	1,28	0,78
Канада	1571,07	1398,31	1,20	0,83
<i>Другие наиболее развитые страны мира</i>				
Испания	1622,51	1403,79	1,16	0,87
Нидерланды	862,90	666,36	1,29	0,77
Швеция	502,53	348,19	1,44	0,69
Швейцария	472,50	310,34	1,52	0,65
Финляндия	273,02	191,81	1,42	0,70
Португалия	248,84	238,24	1,04	0,96
<i>«Новые члены» Евросоюза</i>				
Польша	450,58	664,55	0,68	1,47
Чехия	211,70	264,69	0,80	1,25
Венгрия	155,15	198,68	0,78	1,28
Словения	53,26	58,06	0,92	1,09
<i>Страны ЕвразЭС</i>				
Россия	1698,65	2274,58	0,75	1,34
Казахстан	133,73	179,54	0,74	1,35
Беларусь	53,26	115,03	0,46	2,16
Узбекистан	26,33	70,67	0,37	2,68
Кыргызстан	4,76	11,46	0,42	2,41
Таджикистан	4,11	12,55	0,33	3,05
<i>Страны «третьего мира»</i>				
Танзания	19,84	53,80	0,37	2,71
Мьянма	13,03	63,77	0,21	4,86
Мозамбик	8,38	18,58	0,45	2,22
Руанда	3,78	9,13	0,41	2,42
Кирибати	0,07	0,37	0,19	5,28

Источник: рассчитано авторами с использованием Интернет-ресурсов Всемирного банка и глобальной статистики: <http://siteresources.worldbank.org> (дата доступа: 15.01.2009 г.); <http://www.econstats.com> (дата доступа: 02.06.2009 г.).

Иными словами, если официальный обменный курс национальной валюты периферийной страны соответствует ППС, то обе анализируемые технологические цепочки и все ее промежуточные звенья работают практически тождественно, с одинаковой экономической эффективностью. Различия в их функционировании связаны лишь с

масштабом числовых значений, характеризующих экономически обоснованные цены на конечные и любые промежуточные продукты (см. [рис. 1](#)). При этом следует обратить внимание на то, что в технологически развитых странах большая часть добавленной стоимости создается именно в сфере производства, воплощающего в себе достижения научно-технического прогресса, по сравнению с «сырьевиками» и посредниками, деятельность которых относится к низшим технологическим укладам. Соответственно, высокотехнологичный производитель имеет и существенно большую прибыль, которая в нашем примере рассчитывается с учетом затрат, условно принятых равными половине добавленной стоимости.

Предположим, что периферийной стране навязана глубокая девальвация ее национальной денежной единицы, как это случилось, например, с Беларусью в начале 2009 года. В результате проведенной девальвации официальный обменный курс национальной денежной единицы анализируемой периферийной страны был установлен на уровне 3000 нац. ден. ед./долл. ([рис. 2](#)) при его справедливом, определяемом на основе ППС, значении около 1000 нац. ден. ед./долл. Кроме того, в периферийной стране затеяна либерализация экономики, в результате чего обеспечено беспрепятственное трансграничное перемещение сырьевых, товарных, финансовых ресурсов.

С учетом проведенных реформ характер функционирования технологической цепочки производства и реализации экономического блага – товара T_i – в периферийной стране (элементы 1Б–4Б) кардинально изменится (сравни [рис. 1](#) и [2](#)). *Во-первых*, сырьевые компании и торгующие сырьем посредники оказываются весьма заинтересованными в тотальном вывозе сырья из периферийной страны. И действительно, продав сырье за рубеж за иностранную валюту, а затем, обменяв ее на национальные деньги поратно искаженному (завышенному) обменному курсу (см. движение ресурсов по контуру 2Б–2А–5Б–2Б на [рис. 2](#)), сырьевые посредники обеспечивают себе добавленную стоимость и прибыль, заметно большую по сравнению со случаем его продажи отечественному товаропроизводителю. *Во-вторых*, из-за описанной выше принципиальной возможности реализации сырья за рубеж внутренние цены на него существенно вырастут (сравни [рис. 1](#) и [2](#)). *В-третьих*, из-за роста внутренних цен на сырье, спровоцированного девальвацией национальной денежной единицы, даже эффективно работающие товаропроизводители 3Б с учетом того, что их прочие производственные затраты остались на прежнем уровне, искусственно переводятся в ситуацию бесприбыльной и вообще убыточной деятельности (сравни [рис. 1](#) и [2](#)). Их оборотные средства масштабно «вымываются» в сферу обмена, которая, по сути дела паразитируя на реальном секторе экономики, становится за счет этого весьма «эффективной». В таких условиях производственные предприятия, еще совсем недавно имевшие неплохую прибыль, «чудесным» образом в одночасье становятся нерентабельными и потому разрушаются. В результате в периферийной стране разворачивается масштабная деиндустриализация и она превращается в сырьевой придаток США и других технологически развитых держав. *В-четвертых*, торгующие готовой продукцией уцелевших предприятий посредники оказываются заинтересованными в ее вывозе на Запад (см. движение ресурсов по контуру 4Б–4А–6Б–4Б на [рис. 2](#)), поскольку валютная выручка после обмена на национальные деньги поратно искаженному (завышенному) обменному курсу обеспечивает им большую выручку и прибыль (сравни [рис. 1](#) и [2](#)). *В-пятых*, указанная альтернатива продажи готовой продукции за рубеж провоцирует рост внутренних цен на нее – в нашем случае до 2400 нац. ден. ед. (сравни [рис. 1](#) и [2](#)). *В-шестых*, из-за тотального экспорта сырья, разрушения отечественного производства и вывоза готовой продукции последняя начинает масштабно ввозиться в периферийную страну из-за рубежа посредниками-импортерами (см. движение ресурсов по контуру 8Б–7Б–4А–8Б на [рис. 2](#)). С учетом стоимости товара T_i за рубежом и необходимости его закупки за иностранную валюту, которую приходится приобретать в банке по искаженному (завышенному) курсу, происходит дальнейший рост цен на готовый продукт – в нашем случае до 3000

нац. ден. ед. и выше. В-седьмых, рост цен на товар T_i , в нашем случае с 1000 до 3000 нац. ден. ед. и выше (сравни рис. 1 и 2), уменьшает покупательную способность населения. Это с одной стороны снижает уровень жизни в периферийной стране, а с другой – уменьшает емкость внутреннего рынка и тем самым обуславливает затоваривание складов и сокращение отечественного производства, усугубляя деиндустриализацию.

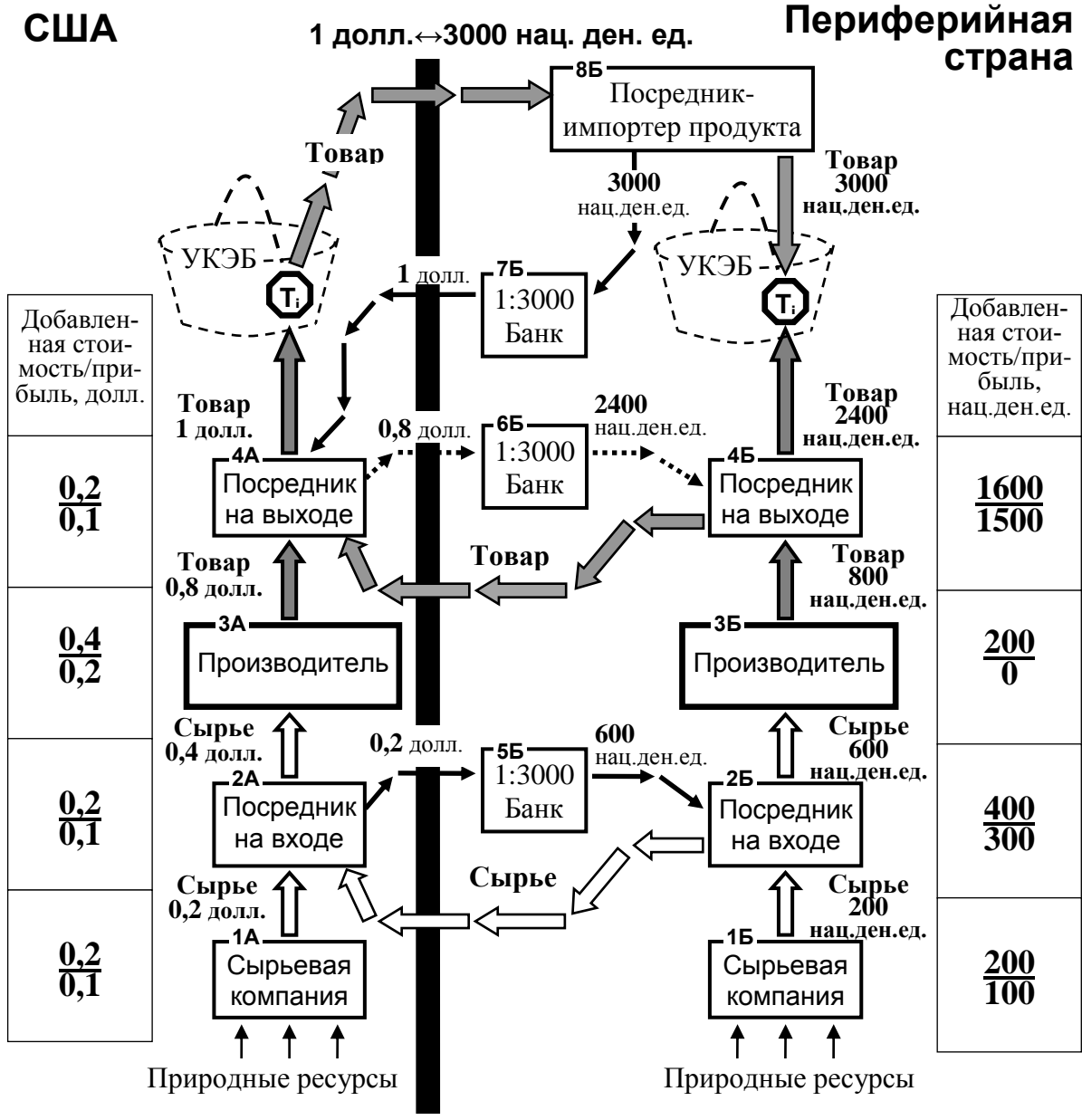

Рисунок 2 – Функционирование экономических систем США и периферийной страны при искаженном обменном курсе их национальных валют, когда денежная единица последней недооценена относительно ППС в 3 раза (1 долл.↔3000 нац. ден. ед.).

Теперь можно подвести некоторые общие и вполне предсказуемые итоги либерализации экономики и девальвации национальной валюты в исследуемой периферийной стране. Очевидно, что подобные реформы надежно превращают ее в сырьевую провинцию с деградирующим производством. По мере их осуществления кардинально изменяется характер распределения совокупной добавленной стоимости и, соответственно, прибыли вдоль цепочки «сырьевик – посредник на входе – производитель – посредник на выходе». Если до реформ указанное распределение было таким, как это имеет место в технологически развитых странах (см. рис. 1), то после их осуществления доля товаропроизводителя в общей прибыли резко сократилась практически до нуля, а доля

посредников возросла до 90% и более (см [рис. 2](#)). В результате становится легко объяснимой та чудовищная экономическая дифференциация населения, повсеместно наблюдаемая в странах, взявших курс на либерально-рыночное реформирование. Большинство населения работает на производственных предприятиях, в одночасье ставшими вдруг «неэффективными», в то время как в сфере обмена, откровенно «выкачивающей» ресурсы из производства, – лишь небольшая его часть. Последнее обстоятельство собственнически и позволяет владельцам и руководителям посреднических фирм незаслуженно провозглашать себя экономической и управленческой элитой страны – наиболее талантливыми, гибкими, эффективными собственниками и менеджерами, и на этом основании владеть яхтами, замками, персональными авиалайнерами, футбольными клубами...

Кроме того, сфера обмена, паразитирующая на реальном секторе экономики, приступила к оказанию периферийной стране комплекса услуг по тотальному «выкачиванию» из нее на Запад реальных экономических благ, прежде всего, сырья и энергоресурсов, и их замещению продукцией американского (европейского) печатного станка. Беднеющее население такой страны вынуждено банально проедать валютную выручку от реализации всего того, что удастся найти в национальных недрах. При этом многочисленные посредники-импортеры заинтересованы оказывать ему услуги по масштабному ввозу в периферийную страну различных пищевых и непищевых суррогатов – подержанных авто, ширпотреба, кока-колы, жвачки, «ножик буша» и т.п., замещающих продукцию разрушенного отечественного производства. В итоге концепция постиндустриализма и опережающего развития сектора услуг в условиях либерализации экономики закономерно приобретает в странах бывшего СССР уродливые формы, связанные с деиндустриализацией и разрушением экономики, обнищанием и деградацией большинства населения, ростом безработицы, криминала и социальной напряженности.

Технологически развитые страны, наоборот, обеспечив себе доступ к чужим сырьевым ресурсам и получив дополнительные рынки сбыта готовой продукции, стимулируют и ускоренно развивают свое производство. При этом приобретение Западом реальных благ происходит в обмен на ничем не обеспеченную монетарную массу, которая затем оседает «в чулках и матрацах» населения периферийных стран, пытающегося таким образом защитить свои трудовые сбережения от безудержной инфляции. Осуществляя масштабную эмиссию мировых денег и прочих «ценных» бумаг, Запад сознательно «разгоняет» инфляцию в глобальном масштабе, а страны, склонные недооценивать свои национальные валюты, импортируют и покорно утилизируют ее (см. [табл. 1](#)). Тем самым технологически развитые страны решают за счет остального мира противоречия своего развития, включая сырьевую и энергетическую проблемы, и «сбрасывают» к нам отрицательные эффекты своей экономической деятельности, в том числе последствия финансово-экономических кризисов. Вот почему используемая отечественными реформаторами апелляция к «позитивному» опыту лидеров мировой экономики, откровенно эксплуатирующих остальной мир, некорректна: вряд ли Беларуси будет дано «высочайшее дозволение» перейти из разряда эксплуатируемых в категорию эксплуататоров.

Кстати говоря, с учетом изложенного становится вполне объяснимой безрезультатность многолетних реализуемых в ряде стран бывшего СССР жестких рестрикционных мер по борьбе с импортированной из-за рубежа инфляцией. Организованная по «дружескому» наущению все тех же западных советников глубокая, хроническая демонетизация экономики (уменьшение объема национальной денежной массы) до уровня, который сегодня существенно меньше оптимального, порогового и даже критического значения, принципиально не способна подавить сгенерированную на Западе инфляцию [\[1\]](#). Более того, приходится признать, что предпринимаемые в постсоветских странах ограничительные, в духе либерального монетаризма, меры борьбы с ней обеспечивают диаметрально противоположный эффект. Так, искусственно созданный дефицит на-

циональных денег провоцирует тотальную долларизацию, кризис неплатежей, спекуляцию кредитными ресурсами в паразитарной банковской системе, острую нехватку денег у производственных предприятий, тотальное «вымывание» их оборотных средств в пользу «невероятно эффективной» сферы обмена, сокращение производства (см. [рис. 2](#)). В свою очередь, уменьшение объемов производства продукции провоцирует дальнейший рост цен на нее. Как справедливо считает крупный хозяйственник, мэр г. Москвы Ю.М. Лужков, «сколько бы ни пытались монетаристы-финансисты читать нам талмудические лекции, но главной причиной высокой инфляции у нас был и остается недостаток денег в экономике, финансовый голод национального производителя, инфляция издержек, а не спроса. При огромных доходах государства субъекты экономики многие годы находились в условиях острейшего денежного дефицита» [9].

Все это, на наш взгляд, исчерпывающе объясняет, почему технологически развитые страны так озабочены продвижением либерально-рыночных реформ и идей монетаризма в развивающихся и трансформирующихся странах. Кстати говоря, следует учесть, что в 2008 г. белорусский рубль был недооценен относительно ППС в 2,16 раза (см. [табл. 1](#)), а после проведенной в 2009 г. его девальвации масштаб этой недооценки достиг почти трехкратного значения. То есть при справедливом, определяемом по ППС, обменном курсе белорусского рубля около 1000 бел. руб./долл. его официальный обменный курс сегодня приблизился к отметке 3000 бел. руб./долл. В связи с этим можно считать, что изображенная на [рис. 2](#) ситуация достаточно точно соответствует нынешнему состоянию дел и проблем в Беларуси, воочию столкнувшейся с проблемами посредничества, снижением спроса и затовариванием складов, вывозом валюты импортерами и т.д.

Для преодоления негативных тенденций деиндустриализации и, соответственно, экономического ослабления стран Союзного государства, ЕврАзЭС и СНГ, прежде всего, необходимо решительно отказаться от разрушительной либерально-рыночной идеологии, активно навязываемой технологически развитыми странами с целью установления глобального господства своих могучих транснациональных корпораций. Путь к росту конкурентоспособности национальной экономики сегодня лежит через реализацию системного, кооперационного, интеграционного эффекта в экономических системах всех уровней, о чем наглядно свидетельствует опыт лидеров мировой экономики. Это означает, что государство не должно уходить из экономики, как об этом мечтают наши западные конкуренты, а наоборот, обязано усилить свою роль и как регулирующего органа, и как глобального предпринимателя. В связи с этим сегодня в странах бывшего СССР актуальна отнюдь не приватизация, а наоборот, назрела масштабная национализация активов, которые были бессовестно добыты в «лихие 90-е» алчными, но неэффективными (это доказал нынешний кризис) собственниками. Тем более, флагманы мировой экономики – США, Великобритания, Германия, Италия и т.д., демонстративно позиционирующие себя в качестве оплота либерализма, на практике доказали целесообразность масштабной национализации крупнейших банков и предприятий в качестве эффективного инструмента антикризисного управления национальной экономикой.

Кроме того, вопреки назойливым рекомендациям из-за океана основное внимание следует уделить не развитию малого бизнеса, который принципиально неконкурентоспособен перед лицом западных мегакорпораций, а созданию и всестороннему государственному патронажу крупных и сверхкрупных вертикально-интегрированных компаний. Последние должны быть представлены мощными государственными и государственно-корпоративными структурами, объединяющими в себе полный цикл производства продукции, начиная с исследований и разработок, продолжая добычей сырья и производством продукции и заканчивая ее организованным сбытом и обслуживанием. Более того, такие корпорации, согласно опыту флагманов мировой экономики, должны

быть межотраслевыми, а лучше – межнациональными, например, белорусско-российскими, белорусско-украинскими, белорусско-казахстанскими и т.д.

Главным стратегическим приоритетом стран Союзного государства, ЕврАзЭС и СНГ в XXI веке должен быть объявлен курс на *неоиндустриализацию*, а не на формирование постиндустриальной экономики услуг, как к тому нас лукаво подталкивают мечтающие о нашем скором «процветании» зарубежные советники и международные финансовые институты. Курс на неоиндустриализацию предполагает устранение описанных выше факторов дискриминации промышленности через предоставление ей существенных налоговых льгот и доступа к кредитным ресурсам по приемлемой стоимости для целей модернизации производства [1, 2, 3, 11]. Кроме того, по примеру стран, успешно совершивших технико-технологический прорыв, важно сконцентрировать валюту не на импорте предметов потребления, что равносильно ее банальному проеданию, а на необходимом для обновления экономики накоплении капиталов преимущественно за счет внутренних сбережений, а не внешних заимствований. Пример промышленного развития Японии служит убедительным тому подтверждением. Так, доля иностранного капитала в финансировании японской экономики в 1955-1961 гг. составляла всего 5%, а в 1962-1970 гг. не превышала 3% [6, с. 69].

И наконец, последнее – странам Союзного государства, ЕврАзЭС и СНГ исключительно важно предпринять коллективные, согласованные меры по восстановлению оптимальных, свойственных развитым странам, параметров функционирования кредитно-денежной системы. В частности, по уровню монетизации экономики и степени недооценки своих национальных валют Беларусь, Россия, Казахстан и т.д. скорее соответствуют странам «третьего мира», нежели технологически развитым державам (см. табл. 1). Нетрудно заметить, что последние в отличие от периферийных стран поддерживают, например, обменные курсы своих национальных валют не в 2-3 раза ниже, справедливого, определяемого по ППС, значения, а на 10-30% выше его. Это создает ситуацию неэквивалентного обмена, давая им возможность за счет периферии получать дополнительные выгоды от международной торговли.

Понятно, что если наши страны желают быть в числе технологически развитых стран, то они должны восстановить оптимальные параметры функционирования монетарной и кредитно-денежной сферы. Речь идет о дедолларизации экономики, кратном повышении уровня ее монетизации до 60-100% от ВВП, доведении официального обменного курса национальных валют до справедливого, определяемого по ППС, значения, снижении ставки рефинансирования до 1-5% годовых. Решение этих задач тесно связано с вытеснением долларовой массы из сферы обращения через ее замещение национальными деньгами, переходом к практике экспортной продажи сырьевых и прочих ресурсов за национальные валюты, максимального отказа от доллара при осуществлении международных расчетов и т.п. Без указанного восстановления оптимальных характеристик кредитно-денежной политики Беларусь, Россия, Казахстан и т.д. навсегда останутся встроенными в международную систему разделения труда в качестве доноров дешевых сырьевых, энергетических, интеллектуальных, финансовых ресурсов. В противном случае наши страны обречены импортировать и утилизировать негативные последствия нынешнего и всех последующих финансово-экономических кризисов, искусно организуемых лидерами мировой экономики в целях наглого ограбления остального мира.

Литература

1. Байнев, В.Ф. Монетарные факторы деиндустриализации / В.Ф. Байнев // Экономист. – 2009. – №4. – С. 35-46.
2. Байнев, В.Ф. Переход к инновационной экономике в условиях межгосударственной интеграции: тенденции, проблемы, белорусский опыт: монография / В.Ф. Байнев, В.В. Саевич; под общ. ред. проф. В.Ф. Байнева. – Минск: Право и экономика, 2007. – 180 с.
3. Байнев, В.Ф. Социально-экономическое развитие и «ловушки» рыночного либерализма: курс на неоиндустриализацию: монография / В.Ф. Байнев, В.Т. Винник; под общ. и науч. ред. В.Ф. Байнева. – Минск: Право и экономика, 2009. – 114 с.

4. *Байнев, В.Ф.* Система неокolonизации XXI века / В.Ф. Байнев, В.Т. Винник // Новая экономика. – 2009. – №5–6. – С. 3-11.
5. *Винник, В.Т.* Источники национально-экономического развития: ловушки либерализма: монография / В.Т. Винник. – Минск: УП «Технопринт», 2005. – 149 с.
6. Государственно-монополистическое регулирование в Японии. Авторский коллектив: Я.А. Певзнер, В.Я. Росин, Н.В. Смородинская и др. – М.: «Наука», 1985. – 250 с.
7. *Губанов, С.С.* Иллюзии постиндустриализма / С.С. Губанов // Беларуская думка. – 2009. – №6. – С. 77-83.
8. *Лист Фридрих.* Национальная система политической экономии / Фридрих Лист, пер. с нем. под ред. К.В. Трубникова. – С.-Петербург: Типография братьев Пантелеевых, 1891. – 450 с.
9. *Лужков, Ю.* Российские особенности мирового кризиса / Ю. Лужков // Российская газета. – 02 февраля 2009 г.
10. *Пелих, С.А.* Проблемы денежно-кредитных отношений: сб. науч. трудов / С.А. Пелих. – Минск: Право и экономика, 2007. – 250 с.
11. Россия – Беларусь. Инновационная политика и интеграционное взаимодействие / Е.Б. Ленчук [и др.]. – М.: Институт экономики РАН, 2006. – 268 с.
12. *Цветков, В.* Подкрепить инновационное развитие промышленной политикой / В. Цветков // Экономист. – 2008. – №3. – С. 30-40.
13. Экономика и деньги: Сборник научных трудов / Автор и составитель С.А. Пелих. – Минск: Право и экономика, 2009. – 271 с.
14. *Янжул, И.И.* Свободная торговля. Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства / И.И. Янжул. – М.: Типография Миллера, 1882. – 380 с.